

Двести грамм и свобода

18+

Анастасия Матвеева

Анастасия Матвеева

Двести грамм и свобода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41982220

SelfPub; 2020

Аннотация

На первый взгляд, эта история напоминает сказку о Золушке. Пятнадцатилетняя Настя знакомится с обаятельным и состоятельным Андреем, который обещает ей: «Ты всегда будешь моей, моя маленькая глупая девочка». Но жизнь – это не прекрасная сказка, а череда событий, где есть место и прекрасным моментам любви, и горьким потерям, и все это, так или иначе, связано с крушением надежд. Эта книга о реальной жизни, в которой нет счастливого конца, но есть вера в лучшее.

Посвящается моей Вере.

*Все герои вымышлены, все совпадения случайны.

Писать книгу от руки или печатать на компьютере? Не знаю, как лучше, но заставить печатать я себя не могу, поэтому пишу так. В моем блокноте не хватает множества страниц – мой последний бунт против системы. Возможно, мне было бы стыдно рассказывать, как я сидела ночью в темной комнате на полу в слезах и со злостью выдирала из блокнота страницы, но самое стыдное было тогда, когда он вошел в комнату и увидел происходящее.

В масштабе планеты нас слишком много, подобно ягодам смородины на обильно усыпанном кусту. Потеря одной ягодки ничего не значит ни для куста, ни для сборщика. Ягоды все одинаковы и ни одна из них не может выделиться настолько, чтобы ее заметили или запомнили. Да, есть крупные ягоды, есть очень мелкие, но в целом это ничего не решает. В юности я позволяла себе заблуждаться в отношении собственной уникальности, теперь же у меня таких слабостей нет. А может, я вновь лишь обманываю себя, ведь, написав эту книгу, желаю обречь себя на бессмертие и вечную память. Тысячи книг написаны и читаемы, и если хотя бы в одной душе поселятся мысли о нас, то это уже большая победа над собственным временем. Завоевать весь мир и обречь се-

бя на мировое господство невозможно, но кто же говорит о том, что любовь хотя бы одного трепещущего сердца меньшая из побед?

Андрея больше нет. Он когда-то был, а теперь его нет. Это конец истории. И, кажется, что читать эту книгу стало теперь совершенно бессмысленно, раз его уже нет. Но разве есть смысл знать, что Андрея больше нет, не узнав, кем он все-таки был? Я хочу рассказать вам эту историю, потому что это часть моей жизни, которая никогда не повторится. Я знаю. Но это было... хотела сказать «феерично». Но скорее всего это просто «было». Я назову мою книгу историческим романом, ведь наша с Андреем любовь – уже история, и некоторые подробности я начинаю забывать. Возможно, мой мозг заполняет эти пробелы вымышленными фактами и выдает их мне за чистую правду. Но это не важно. Что бы он сейчас не придумывал, наши отношения были лучше. Они были живые, напряженные и больные, но вспоминать о них мне приятно. Поэтому я хочу рассказать вам про момент нашей жизни, где мы были бесконечно счастливы и нет. Конечно, вы можете просто закрыть книгу и пойти дальше пить чай или разговаривать с близкими и не узнать, что бывает с другими людьми, когда их пути пересекаются в определенный момент. Когда они совершают непростительные ошибки, уходят от ответственности или мучаются совестью всю оставшуюся жизнь, и что бывает, когда люди считают себя самыми умными и правильными, что не все романтические

фразы столь романтичны в реальности. И если, конечно, вы все же согласны со мной то, пожалуй, давайте начнем.

Я расскажу вам историю про девочку. Возможно, со многим в моей истории вы будете не согласны, и, возможно, эта девочка вызовет у вас отрицательные эмоции, но я готова к этому. Пока мы не научились изменять прошлое, придется воспринимать его как данность и просто научиться жить с этим.

Иногда кажется, что у всех нас разные печали,

Но нет, печаль всегда одна.

Лишний раз не сказали "люблю",

А теперь уже слишком поздно.

Жаркий июльский вечер не предвещал ничего хорошего девочке. Это было совершенно обычное 4 июля 2004 года. Настолько обычное, что вы, наверное, и не вспомните, чем занимались в тот вечер. Скорее всего, были на улице и ждали дождя. А девочка? Девочка просто прогуливалась по знакомым улицам знакомого и нелюбимого ею маленького города, который был недалеко от столицы, и думала о чем-то своем, загадочном, строила планы и слушала музыку в плеере. Играла что ни на есть любимая музыка, и можно было даже заметить, что девочка слегка пританцовывала в такт родным ритмам.

Что происходило в тот момент в моей голове, я уже и не вспомню, но думаю, мои мысли были направлены на воспитание беспородных щенков, родившихся за пару дней до этого под проливным дождем во дворе моего дома. Так как их мама всегда находилась под нашим чутким присмотром, роды у нее, конечно же, тоже принимали мы с подружкой. Щеночков было одиннадцать. Этих беспомощных комочков без взглядов на мир приходилось оберегать в три раза сильнее, чем взрослую собаку.

Лимонно-желтый автомобиль резко затормозил за моей спиной. Я не слышала визжания шин, не слышала открывания двери и оклика меня, в моих ушах играла песня «Heu, Bonito», и это, пожалуй, все, что я могла слышать в тот момент. Дверь закрылась, и автомобиль медленно поравнялся со мной. Он ехал настолько медленно, насколько вообще мог медленно ехать спортивный автомобиль. Так мы следовали минуты три. Я, пританцовывающая и в наушниках, и лимонно-желтый спортивный автомобиль на черепашьей скорости. Когда я, наконец, повернула голову вправо, то увидела автомобиль, а в нем молодого красивого парня. У него были светлые выгоревшие волосы, слегка зачесанные наверх, как делали многие в начале двухтысячных. Широкие темные брови обрамляли его голубые глаза. Нос прямой, не широкий, средней длины, наверное, именно о таком мечтают многие. Его по-мальчишески пухлые губы были растянуты в улыбке, обнажая красивые белые ровные зубы. А в одном ухе висела

маленькая сережка-колечко. Он, правда, был довольно привлекателен, но не слишком. Его кожа была темной от загара, словно он только вчера вернулся с берега Барбадоса. Я остановилась, и автомобиль замер тоже. Парень опустил боковое стекло, высунул руки и что-то начал быстро говорить мне. Я поняла это по движению его рта, но ничего не расслышала. Тогда, сняв наушники, я уловила конец фразы:

– ...узнать твое имя.

– У меня ничего для Вас нет.

– Даже имени?

– Пожалуйста, не приставайте ко мне, я ничего не знаю.

– Скажи мне свое имя, пожалуйста!

– Нет, я же сказала, нет. Не трогайте меня!

И я побежала, насколько быстро вообще могла побежать. Сейчас уже и не знаю, что меня могло так напугать. Наверное, то, что со мной не часто знакомились красивые парни подобным образом. Лимонный автомобиль был явно быстрее меня. Он преградил мне дорогу. Я не знала, что делать в такой ситуации, и просто села на асфальт. Видимо, мне казалось, что так будет труднее меня поднять и затолкать в автомобиль. Парень открыл дверь и вышел. Ростом он был около ста восьмидесяти сантиметров и довольно спортивного телосложения: накаченные руки и никакого намека на округлый живот. На нем была простая белая футболка, светло-голубые джинсы «Levi's» и красные кеды. Он сел рядом со мной на асфальт. Пару минут мы молчали, а потом он заговорил:

– Признаюсь, я маньяк. Я уже давно слежу за тобой, знаю буквально все, кроме твоего имени. Мне не хватает этой информации для полного досъе на тебя.

– Если ты такой умный и давно следишь за мной, почему не узнал мое имя? Меня здесь многие знают.

– Я знаю, твое имя... Настя. Я просто хотел познакомиться. Меня зовут Андрей. Фамилия Листов.

– Настя...

Мы снова немного помолчали. В моей голове бегали лихорадочные мысли. Откуда он знает мое имя? Что он все-таки от меня хочет? Почему я? Что мне делать дальше?

– Скажи мне, сколько у тебя щенков? – снова заговорил он.

– Щенко-о-ов... – протянула я, в шоке оттого, что он знает даже про них.

– Настя, садись в машину, я тебе прокачу.

– Ну, уж нет, я не хочу с вами общаться! – я резко встала с пыльной дороги.

– Я приеду к тебе завтра, – он тоже поднялся и направился к автомобилю.

– Не стоит! – крикнула я ему в след.

Он обернулся, снова растянул губы в улыбке и проговорил:

– Я знаю, что это обязательно стоит. Я приеду к тебе завтра.

Затем он сел в машину и закрыл вниз дверь. Еще раз с

улыбкой оглядел мою растерянную фигуру с головы до ног и нажал на газ. Машина с ревом улетела вперед и скрылась за поворотом. А я так и осталась стоять, не зная, что мне делать дальше. Отряхнула шорты. Поправила волосы. Из головы совсем вылетело то, куда и зачем я шла. Меня даже немножко трясло. Адреналин в крови разыгрался. Я медленно развернулась и пошла назад. Теперь мне было совсем не до музыки. Я сама не понимала, почему так сопротивлялась нашему знакомству, ведь он мне очень понравился. На вид он казался добрым, открытым молодым человеком, он был хорошо одет, и у него была необычная и красивая машина. Конечно же, больше всего меня смутило то, что он многое знал про меня, значит, это знакомство было спланированным, а не внезапным. Хотя, как оно только могло быть внезапным? Вряд ли он влюбился в мои шорты, проезжая мимо. Это немного успокаивало. Парни, знакомившиеся по велению эмоций, меня не устраивали категорически. Не понимала я только, кто мог ему все про меня рассказать. А все-таки что «все»? Мое имя здесь и правда многие знают, а щенков он наверняка и сам увидел.

Так я всю дорогу шла и спорила сама с собой. Во мне боролись совершенно противоречивые эмоции, страх и любопытство рьяно соревновались в первенстве. В конце концов, мне стало казаться, что это хорошо спланированная шутка. Не то, чтобы у меня были враги, но люди любят подшучивать друг над другом и просто так. Я убедила себя в мысли, что

кто-то просто подослал своего друга посмеяться надо мной, и мне точно не стоит «развешивать уши» и верить во всю эту чепуху. Понемногу я успокоилась и даже на остаток дня забыла про это необычное знакомство. Тем более оказалось, что наших маленьких щеночков покусали красные муравьи, и все одиннадцать малышей неистово скулили, а успокаивало их лишь качание на руках. Тут уж точно было не до глупых мыслей.

На следующее утро у меня было запланировано несколько неотложных дел, поэтому я вышла из дома довольно рано. Пройдя пару метров на встречу с автобусной остановкой, я вновь увидела этот лимонно-желтый автомобиль. И этот парень был там. Он спал, прислонившись лбом к дверному стеклу. Вначале я немного испугалась, а потом мне стало смешно и интересно, с какого времени он там находился и караулил меня. Я приняла решение не попадаться ему на глаза и поскорее зашагала к своему автобусу. Уже из окна отъезжавшего автобуса я увидела, что парень проснулся и оглядывался по сторонам. Я отвернулась и немного пригнулась, боясь, что он начнет погоню за моим автобусом. Но все же эта встреча подняла мне настроение. Наверное, оттого, что наше знакомство перестало быть глупой шуткой. Все продолжение того дня было прекрасным, и мое настроение было прекрасно. Предвкушение чего-то очень хорошего придавало мне сил и энергии. И даже возвращаясь поздно вечером к себе домой, я не чувствовала усталости и желания

лечь спать. Скорее, мне снова хотелось увидеть под своими окнами его желтый автомобиль.

Так продолжалось целую неделю. Как только я выходила на улицу одна, рядом появлялся лимонно-спортивный автомобиль и очень медленно следовал за мной. Парень не выходил из машины, не пытался заговорить, просто следовал за мной, останавливался в стороне и наблюдал, как я играю со щенками, а потом провожал меня до подъезда. Конечно, я прекрасно видела слезку за мной, но не пыталась этому противостоять. Если честно, я настолько привыкла к автомобилю, что, мне казалось, начинала скучать без него.

Через неделю парень заговорил со мной. Просто вышел из машины, подошел ко мне, взял щенка на руки, потеревил ему ушко и сказал:

– Насть, давай я тебе прокачу.

– Давай, но только завтра, а сейчас просто посидим в тишине.

И ответом мне была тишина. Так мы просидели минут сорок. Он тискал моего любимого щенка, подбрасывал его в воздух и ловил, словно ребенка. Я молча следила за ним. Его вид внушал мне спокойствие и уверенность, хотя это был абсолютно незнакомый мне человек. Я попросила его прокачать меня. Он бережно опустил щенка, встал и пошел к машине, открыл одной рукой дверь и махнул мне. Я подошла.

– Тебе понравится, – сказал он, и снова на его губах заиграла эта улыбка.

Я нырнула на кожаное сиденье, крупнейшее и очень удобное. Оно приятно холодило мне спину, и казалось, что это маленький рай. А еще мне показалось, что это не автомобиль, а космическая капсула с множеством кнопок и всего двумя креслами: для него и для меня.

Андрей закрыл мою дверь, обошел машину и сел рядом. Затем он пристегнул меня и пристегнулся сам, после чего завел мотор и надавил на педаль газа. Автомобиль резко сорвался с места, и мимо полетели кусты. Так быстро я до этого никогда не ездила, но скорость не испугала меня. Я любила движение, любила, когда мелькают огни большого города, любила громкую музыку и ощущение полета. Я не любила разговаривать в машине, мне нравилось смотреть на проносящиеся мимо дома и деревья и думать о чем-то своем, мечтать. Андрей сразу уловил мое настроение. Он не приставал ко мне с вопросами или незначащими фразами о погоде, просто жал все сильнее на педаль газа, и мы летели. Такое чувство, как первый полет, невозможно передать словами, дикий восторг, разрывающий душу и сковывающий сердце. А еще чувство полного безоговорочного доверия к человеку, в чьих руках находится твоя жизнь.

Андрей привез меня домой, когда было уже очень-очень поздно. Он остановился недалеко от моего подъезда и вышел из машины, чтобы проводить меня до двери. Не то чтобы мы шли с ним вместе. Я шла впереди, а он, похожий на верного стража, преследовал меня сзади. Около двери он просле-

дил, как я открыла ее своим ключом, а затем сказал «до завтра» и махнул мне рукой. Я постаралась на цыпочках пройти по коридору, но меня выдал скрип пола, и я услышала, как проснулась моя семья. Поэтому я залетела в свою комнату и постаралась унять бешено колотящееся сердце. Все же я трус. Стянула джинсы, кинула их на кресло, завязала резинкой волосы и легла в постель. Естественно, я не могла долго уснуть. Прокручивала в голове нашу поездку на желтом автомобиле и голубые глаза Андрея. Мне показалось, что он очень самолюбивый, понимает, что весь мир принадлежит ему, но кто он такой? Этого я не знала. Всю дорогу мы с ним молчали, и от этого было очень хорошо. Была ли я уже влюблена в него? Думаю, нет, просто чувствовала, что этот человек мне очень близкий, родной.

– Листова, – пронеслось в моей голове, – Анастасия Листова.

Мне понравилось, показалось очень красиво. И тогда я уснула.

Пожалуй, нам стоит познакомиться. Я Настя, как вы уже знаете. Я думаю, что я самая умная. Мои действия всегда продуманны и целесообразны. Я взрослый и рассудительный человек. У меня есть свои принципы, которым я следую и никогда не иду им наперекор. Я человек слова, я никогда не опаздываю и не отменяю встреч. Я всегда предельно сконцентрирована и слушаю только свою голову. Я лучший чело-

век на этой Земле. Я это я. Приятно познакомиться.

Надеюсь, вы мне не поверили...

В то время я жила со своей большой семьей на территории бывшего военного гарнизона, и за нашими окнами мерцал аэродром. А все только потому, что в моей семье все мужчины были военными. Папа, военный летчик, более двадцати лет летал на истребителях-бомбардировщиках ТУ-22. Ночные полеты и перегрузки мне не понаслышке знакомы. Дедушка был майором в радиотехнических войсках, работал на аэродроме, получил медаль за доблестную службу. Я им всегда очень гордилась. Хотя ему об этом так никогда и не сказала. Как истинный военный, дедушка лести не любил, зато очень любил режим и порядок. Второй мой дедушка тоже был в звании майора. Все мое детство, куда бы я ни поехала, проходило в военных городках. Везде были аэродромы и части, казармы и столовые для офицеров. Я привыкла просыпаться и засыпать под шум садящихся самолетов. Иногда они пролетали так низко, что можно было увидеть лицо пилота. Я их очень любила. Самолеты я имею в виду. Сердце замирало при виде этих огромных крылатых машин, они завораживали своим величием и грациозностью. Поэтому в детстве мы с подружкой любили бегать на аэродром. Там была дыра в железной колючей проволоке, и мы через нее пролезали на территорию. Только клочки курток летели в разные стороны. Но жить без самолетов было нельзя.

Мы с семьей жили в обычной квартире на обычном пятом

этаже. Там не было совершенно ничего примечательного, если не считать того, что это был последний этаж девятиэтажного дома. Мифического девятиэтажного дома. Папа получил трехкомнатную квартиру, после того как закончил свою военную деятельность. К сожалению, не все военные смогли получить свои квартиры в этом доме, кто-то так и остался ждать свои мифические с шестого по девятый этаж. Можно сказать, что нам повезло.

Это было не Москва, но Москва всегда была рядом. Я полюбила ее еще в детстве и думала, что навсегда. Совсем маленькой девочкой я бегала на последний этаж соседнего дома, чтобы через грязное стекло посмотреть на ночной город и его сверкающие огни. Мне чудилось, что там у всех людей замечательная жизнь. Что в сумраках дня по Москве гуляют только влюбленные пары, пьют кофе и много-много смеются. Конечно же, я хотела быть одной из них. Мечтала жить в Москве, бродить, гулять, любоваться. Я была очень активной, жизнелюбивой, мечтала вырасти и найти свое призвание, совершить что-то очень важное и полезное для этого мира и уж точно не прожить свою жизнь зря. Да, в детстве казалось, что меня ждет великое будущее.

Я ходила в самую обычную общеобразовательную школу и практически с первого класса одна. С утра папа отводил меня на учебу по дороге на аэродром. А из школы я домой шла одна. Было не важно, что по пути много дорог. Родители знали, что я не потеряюсь. Просто я с детства была очень са-

мостоятельной. Сама записывала себя на различные дополнительные кружки, которые только были в нашем гарнизоне. Занималась вязанием, играла на пианино, окончила целый курс рисования и даже ходила на танцы. Я была активной и стремилась узнать и попробовать как можно больше. Мне совершенно не хотелось сидеть дома и смотреть мультики. Уж если и мультики, то только в гостях у друга мальчишки. До пятого класса мы с семьей жили в общежитии для военных, и это было лучшее время. Маленький одноподъездный дом и все его жители общались и дружили между собой, и всегда старались улучшить себе жизнь. Взрослые построили игровую площадку и лавочки, а мы, детвора от пяти до шестнадцати лет, как только наступала весна, дружно выходили подметать и убирать двор. От этого в нашем дворе всегда было чисто и ухоженно, никаких расписанных стен и окурков по углам. А еще на улице в пристроенной будке у нас жили щенки. Помню, как я купила себе одного за пять рублей у знакомого мальчика и назвала его Рексом. Родители не разрешили взять его домой, поэтому пришлось оставить его жить в уличной будке. Щенок очень привязался ко мне, и куда бы я ни отправилась, всегда шел следом без поводка и никогда не убегал. Если я заходила в магазин, он сидел у дверей и ждал меня. И всегда был на месте, когда я выходила. А еще он меня защищал. Если кто-то из детей повышал на меня голос, он начинал рычать и даже мог укусить обидчика. Тяжело писать про себя и не думать, что это слишком

заносчиво.

В детстве я часто уходила из дома. Практически каждая суббота начиналась с того, что я обижалась на родителей. Тогда я доставала рюкзак, клала в него батон и тихо выходила из квартиры. Вначале родители пытались меня догнать, если слышали, как закрывалась входная дверь, а потом перестали. Знали, что я все равно скоро вернусь. И это было действительно так. Выходя с рюкзаком из подъезда, я направлялась на футбольное поле, которое было совсем рядом с нашим домом. Там я садилась на траву, расстегивала рюкзак, доставала батон и ела его, следя за воронами, которые расхаживали по низкой траве в поисках еды. Иногда я бросала им крошки, если не была чересчур зла на родителей. А спустя полчаса возвращалась домой. У меня очень вспыльчивый характер, но я быстро прощаю. Мне только нужно немного времени, чтобы остыть. Родители всегда давали мне его, поэтому мы быстро мирились. Они у меня прекрасные во всех отношениях и я не вру. Только благодаря семье мое детство можно назвать счастливым. Девяностые годы для меня – это суп из кубиков «Gallina Blanca», сухое молоко килограммами и персики, которые папа привозил из Краснодара. А еще в нашей семье любили читать и на Новый Год нам с братом часто дарили книги. И что самое главное: мы ждали этого подарка и всегда радовались, предвкушая провести десять дней зимних каникул в компании с новой прекрасной историей.

Но самый главный бриллиант моей семьи – моя прабабушка. И никакой ссоры поколений, никакого недопонимания, мы с ней дышим одним воздухом, и струны наших сердец звучат одинаково, мы смотрим на мир одними глазами и думаем одними мыслями. А наша незначительная разница в семьдесят два года нам абсолютно не мешает. Моя лучшая подруга, моя душа. Она научила меня думать, чувствовать, любить всем сердцем и отдавать все что есть. Она научила меня быть самостоятельной, быть идеалисткой и быть собой. Она всегда была рядом, и мне очень нравилось быть с ней. Я знала, что она меня выслушает, поймет и поддержит. И в моей жизни никогда не будет безвыходности, ведь моя прелесть всегда найдет выход из темноты.

Я училась в восьмом классе, когда мы познакомились с Андреем. Сейчас мне уже кажется, что я была еще слишком маленькой для таких отношений, но тогда мне так не казалось. У меня плохо складывались отношения с одноклассниками, потому что их интересы я переросла еще лет в двенадцать. Не то, чтобы я была слишком умной, просто у меня всегда было много интересов, и они помогали мне быстрее взрослеть. В мои пятнадцать лет у меня уже не было иллюзий по поводу этой жизни, и я никогда не мечтала о принце на белом коне. У меня были совершенно другие цели. Я хотела построить приют для собак и его содержать. Каждое утро приходиться и проводить время с десятками разных псов. В этом было мое счастье. Но я была влюбчива и в детстве и

часто страдала от неразделенной любви, потому что всегда боялась открыться и избегала того, кто мне нравился. Да, наверное, я была немного закрытой и поэтому имела мало подруг. Но с мужчинами мне всегда было довольно легко общаться, мы быстро находили общий язык. Мне нравилось с ними общаться из-за того, что у них не было проблем по поводу собственной внешности или интереса к чужим интригам. Парни всегда мыслили немного глубже. И я, видимо, тоже. Не хочу хвалиться по этому поводу и истины я, конечно, не знаю, но, думаю, им было интересно со мной. И даже друзья моего брата любили со мной поговорить. Не то, чтобы мне это льстило. Для меня это было обычное дело. И я никогда не замечала, что кто-то влюблен в меня. Поэтому это было всегда полнейшей неожиданностью для меня, и я очень страдала, если это было невзаимное чувство. До встречи с Андреем в моей жизни не было особо значимых мужчин для меня. В четвертом классе я пару месяцев встречалась с девятиклассником, но дальше, чем ходить по городу за руку, ничего не дошло. Затем лет в двенадцать я по очереди влюблялась в соседа, сына подруги моей мамы, просто в знакомого парня. Но влюбленность очень быстро проходила, и я влюблялась в другого. Стоило мне немного пообщаться с объектом моей любви, и интерес уже был потерян. Осознание того, что на самом деле он еще слишком молод и глуп, убивало во мне всякие чувства. Я старалась найти в человеке что-то большее, чем просто симпатичную

внешность. А таких парней среди ровесников, к сожалению, не было. Думаю, что подсознательно я ждала именно такого, как Андрей. Взрослого, самодостаточного, рассудительного, со своей точкой зрения на весь этот мир. И я встретила его. Может быть, слишком рано?

Следующие несколько недель после нашего знакомства прошли очень быстро. Я уходила из дома рано и возвращалась обратно очень поздно. Все это время мы проводили вместе. Мы делали все то, что делают молодые люди в нашем с ним возрасте, окутанные пеленой влюбленности, за которой не видно всего остального мира. Мы катались на роликовых коньках по парку Горького, лежали на траве и грелись под лучами палящего солнца. Ходили, держась за руки, по улицам Москвы, ездили на машине с открытым верхом, по вечерам пили шампанское на набережной Москвы-реки. Андрей выкупал все билеты на сеанс, и мы смотрели кино в пустом зале, потому что его раздражали жующие и разговаривающие люди. Мы мало обсуждали с ним прошлое и настоящее друг друга, скорее, больше строили планы на будущее. Андрей познакомил меня со своими друзьями. Все были такими разными, что непонятно, как только могли друг с другом находить общий язык. Скорее всего, Андрей был их общим звеном. Он очень любил каждого своего друга и при встрече всегда интересовался об их самочувствии, болезнях и делах в семье. Такая забота меня немного удивляла.

Ради друзей он был готов, наверное, на все. Однажды нам пришлось везти огромную грязную собаку его друга в деревню за двести километров от Москвы. По дороге ее пару раз стошнило на заднем сиденье автомобиля, а еще она всю дорогу скулила и просилась на улицу. Но никто из нас не считал, что мы совершаем какой-то подвиг. Я любила собак, а Андрей любил своих друзей. А машину мы потом отправили в химчистку.

С ними же на вместительном автомобиле «Volkswagen Sharan» Андрея мы ездили в загородный дом Антона, одного из его лучших друзей. Кажется, они подружились еще в школе. Антон был одним из тех людей, которые не придают особого значения количеству денег. Думаю, именно поэтому они так сдружились, ведь в их элитной школе таких простых, без лишнего пафоса, детей было не так уж и много. Отец Антона владел крупным предприятием, на котором и работал его сын. В большом прекрасном доме Антона мы весело проводили летние жаркие дни, жарили стейки на гриле, играли в теннис и плавали в бассейне. У меня даже не было купальника, поэтому приходилось плавать в футболке. В нашей компании были и другие девушки, но Андрей с ними никогда не разговаривал. Тогда меня это очень удивляло, и только намного позже я поняла, что он так вел себя со всеми. Друзья говорили, что он женоненавистник, а Андрей отвечал, что ему просто не о чем с ними разговаривать.

Так проходили наши счастливые летние дни. В один пре-

красный вечер, спустя пять дней с нашей первой совместной поездки, Андрей пригласил меня в ресторан. В восемь вечера он заехал за мной на представительском седане его любимой марки «Volkswagen». На нем были серые джинсы и серая футболка, белые кеды «Converse» и любимая красная бейсболка, а на мне в тот день были салатовые шорты и бледно-розовая футболка, а на ногах балетки бежевого цвета. Я ничего не смыслила в этикете и даже не знала, в каком виде нужно ходить в ресторан. Андрей так оценивающе на меня посмотрел, немного помолчал и произнес:

– Ты красивая!

В ресторане мы заказали очень много еды, хотя и были только вдвоем. Мы ели лобстеров, Фуа-гра с медальонами и пасту с черной икрой, осьминогами и креветками. В тот вечер я впервые попробовала крепкий алкоголь. Андрей заказал бутылку 25-летнего «Laphroaig», но мы выпили меньше половины, остальное оставили официантам допивать. Вообще Андрей был очень щедрым, оставлял на чаевые по пятьсот евро, но иногда он вел себя странно, мог купить бездомному десяток яиц или закидать стервозную девушку на улице ими же. Конечно, я не до конца понимала его и его поступки, но меня это, однозначно, завораживало. С ним я училась быть раскрепощенной, расслабленной и не зависеть от чужого мнения. Андрей всегда говорил фразы типа «общественное мнение – это мнение того, кого не спрашивали» или «людям все равно нужно что-то подумать, так пусть немного по-

думают о тебе». Он всегда смотрел людям в глаза, он будто бы читал их душу и раскладывал их мысли по полкам. Я же считала, что смотреть человеку в глаза, – это как заниматься с ним сексом. Очень интимно, очень близко. Меня пугала такая близость с незнакомцами, а его нет. А еще мне было легко с ним потому, что он такой простой и открытый. И я никогда не чувствовала себя с ним неловко и мне никогда не было за него стыдно. Я чувствовала, что люди любили его, даже если впервые говорили с ним. Потому что он говорил нужные вещи. В его словах не было угодничества или лести, и он не отталкивал людей, не был высокомерным. В нем была энергия и жизнь. Люди тянулись к нему. С ним они чувствовали себя лучше, чем были на самом деле. Он заряжал их позитивом и верой в лучшее. В его словах никогда не было мрачности и обреченности. Он не ругался матом, потому что был очень интеллигентным, и никогда не использовал высокопарных и не знакомых другим слов. Он общался просто и доступно. Он был таким соседским мальчишкой, но очень взрослым. В его действиях не было тупости и наивности. Перед тем как что-то сказать, он всегда думал, поэтому не говорил глупостей. В него было слишком легко влюбиться. И невозможно влюбиться в себя. Он словно видел людей насквозь, его нельзя было обмануть дешевыми трюками. Его никогда не привлекали короткие юбочки или накрашенные губы с ресницами. Он искал что-то большее, какую-то родственность чувств и мне так сильно льстило, что он нашел

это во мне. Я не была тогда очень красивой и никогда не умела соблазнять мужчин. Не одевалась раскованно и дерзко, но и пуританкой тоже не была. Я была простой и даже немного наивной. В силу возраста, конечно же.

Тогда, выйдя из ресторана в легком опьянении, мне пришлось опираться на его сильную руку, чтобы не упасть в клумбу с цветами около ресторана.

– Ой, прости, забыл тебе сказать, что терпеть не могу молоденьких пьяных девушек, – практически крикнул мне в ухо Андрей и толкнул меня в клумбу.

Удобно устроившись на влажной мягкой земле, почти с укором в глазах я взглянула на него. Он смеялся, смеялся так, как я никогда не смеялась. Это было так заразительно, казалось, даже охранники ресторана смеялись вместе с ним. Ну, и я, конечно.

– Высокие у нас отношения. Руку дай, – я протянула ему левую руку, но он сразу же схватил меня за талию и понес на руках в темноту улицы. Так мы шли довольно долго. Андрей, видимо, не считал, что я для него слишком тяжелая ноша, и отпускать меня не собирался. Мне было дико приятно от его прикосновений, и даже слегка намочшая одежда не доставляла мне неудобств. Немного задумавшись и положив голову ему на плечо, я почувствовала, что мы остановились. Тогда я подняла голову и увидела, что он пристально смотрит на мое лицо. Внутри меня затрепетали бабочки, и я была готова к его поцелую, который не последовал. Если вы считаете, что

Андрей был очень романтичной и влюбленной натурой, то вам придется слегка разочароваться. Он был непохожим на других людей. Он умел задавать неуместные непонятные вопросы, его ход мыслей было очень сложно предугадать, и уж тем более мне в тот момент, когда мы были так мало знакомы. Он просто смотрел на мое лицо, смотрел на мои брови, на мой подбородок, на мои скулы и ничего не делал и ничего не говорил. А потом он тихо опустил меня на землю, взял за руки и отошел на пару шагов. Осмотрел меня во весь рост и очень мило улыбнулся.

– Я тебя сейчас совершенно другой вижу, чем тогда.

– Чем когда?

– Когда ты была незнакомой.

– Я всегда была твоей, ты же знаешь.

– Нет, я знаю, что ты всегда будешь моей. И не стоит обольщаться на этот счет, мои слова не столь романтичны, как тебе сейчас кажется. Может настать момент, когда ты перестанешь хотеть быть моей, но у тебя это не получится. Ты не сможешь уйти от меня, потому что я тебя не отпущу. Я никогда не смогу отпустить тебя. Я хочу, чтобы ты это запомнила. Чтобы ты смирилась с этим. По-другому в твоей жизни уже никогда не будет.

– А если ты сам... ты сам разлюбишь меня? Если ты сам захочешь, чтобы я ушла? Чтобы меня больше не было в твоей жизни? Вдруг ты забудешь про меня?

– Ты слишком глупая, моя маленькая девочка. Ты все по-

том поймешь.

И он поцеловал меня. И эти приятные бабочки в моем животе запорхали и заполонили все мое маленькое щедедушное тело. Романтика первых минут близости никогда не бывает передаваемой или повторимой. Она уникальна, как отпечатки пальцев. Ее нужно законсервировать и сдать в музей собственных воспоминаний. А еще лучше никогда и никому не рассказывать о ней, дабы не испортить ее чужими словами или мыслями. Эта священная Грааль души. Романтика первых секунд поцелуя остается навечно, и сколько бы ни было потом поцелуев, первый никогда не забудет моя голова. И вот, в тот прекрасный момент я наивно полагала, как будет прекрасна наша с ним жизнь в будущем, и как это восхитительно, что есть такой человек, который никогда не хочет меня отпускать. Мечтает разделить всю свою жизнь только со мной. И что этот человек – вот такой прекрасный Андрей с его сильными руками и хриплым голосом.

Лежа ночью в своей постели, я только и могла мечтать, чтобы это все повторилось снова. Чтобы он лежал рядом со мной, чтобы нежно обнимал меня, чтобы снова шептал мне о своих чувствах и о том, что он никогда меня никому не отдаст. Я думала, что я взрослая. Думала, что мы сможем завести семью и жить вместе. Думала, что с этим мужчиной мне нечего бояться, ведь он убережет меня от любых испытаний судьбы, от всех самых страшных моментов жизни, и если это будет нужно, он вырвет меня из лап смерти, прижмет к себе

и будет повторять «моя маленькая глупая девочка».

«Мне бы хотелось написать эту книгу красивым русским языком. Но, к сожалению, я родилась не в то время и такого языка не знаю. Мы слишком все обезличили и сократили до простых форм, чтобы сильно не затрудняться. Мы постарались урезать слова, словно эта жизнь слишком коротка для таких длинных фраз. Или уже в них не было смысла. Все и так довольно понятно. Но ошибка в том, что должно быть, не просто понятно, должно быть хоть немного красиво. Слова должны быть музыкой для наших ушей и глаз. Слова должны вдохновлять нас и возвышать. Чтобы, читая книгу, обращать внимание не только на смысл, но и на само описание. Ведь так можно сделать хороший вывод об авторе. Сложно доверять человеку свои мысли и свое мировосприятие, если он не может гармонично связать пару слов. Я считаю, книги должны быть красивы не только с обложки. Каждая фраза должна быть красивой, чтобы ранить в самое сердце и заставить задуматься над её смыслом. Только в таком случае можно считать, что книга удалась, и вы достойны похвалы. Написать плохо сочиненную книгу – все равно, что надеть плохо сшитый костюм: будь он красив тканью, пуговицами и формой, вы никогда не будете в нем идеальны. Я, правда, очень стараюсь красиво складывать фразы, легко, просто и романтично доносить до вас смысл моих строк, но, к сожалению, моё время даёт о себе знать. Я, честно, не очень умею и совершенно не знаю, как это сделать, но очень стараюсь и

надеюсь, вы меня не осудите...»

Он дарил мне огромные охапки роз, которые я боялась приносить к себе домой, поэтому вечером он отвозил их обратно к себе. Я не могла рассказать родителям про него, поэтому все время упорно отмалчивалась, когда они спрашивали меня, где я провожу свое время. Я была уверена, что они меня не поймут и не одобряют мой выбор. Мне тогда было пятнадцать лет, а ему двадцать три, и пусть внешне и внутренне наш разрыв был столь не очевиден и прост, в социальном значении все осложнялось критически. Наша простая история стала для нас крайне сложной. Гуляя по улицам Москвы, мы никогда не скрывали своих чувств, что в моем городе было невозможно. В месте, где все знали все про всех, отношения несовершеннолетней девушки с взрослым парнем не могли бы остаться незамеченными. Конечно, я считала, что общество не должно судить меня за то, что я влюбилась в пятнадцать лет. А уж тем более судить за то, что мой мужчина родился на несколько лет раньше меня. Да, многие могли считать меня еще ребенком, но это было не так. Моя природа говорила, что это не так, и кровь на бумаге раз в месяц стабильно говорила мне, что я имела право на эту любовь. Но так считала я, а мое мнение вряд ли где-то учитывалось. Я просила Андрея не провожать меня до подъезда. Просила его не подъезжать близко к моему дому, поэтому мы всегда прощались в уединенном месте неподалеку, а потом я возвращалась домой одна. Я перестала общаться

с моими знакомыми, старалась не попадаться им на глаза, чтобы не вызывать шквал вопросов по поводу моего отсутствия в их жизни. Сложно сказать, что в тот момент я страдала от недостатка общения с ними. Я никогда не отличалась коммуникабельностью, поэтому мне было очень хорошо в моем новом мире. Словно Андрей затащил меня на середину танцпола, где я не то, чтобы по собственному желанию, но стала подстраиваться под ритм движений окружающих. Сначала крайне неуверенно и робко, но с каждой минутой все быстрее и сильнее овладевала настроением и движением толпы и тихо растворялась в ней.

В конце концов, я влюбилась в него без оглядки, без памяти. Каждое его прикосновение вызывало во мне такую бурю эмоций, которую было очень трудно скрывать. Я смотрела на него таким влюбленным взглядом, что ему, наверное, было от него жарко. Мне казалось, что он самый прекрасный человек в этом мире. Самый красивый, самый привлекательный, самый умный. Его хриплый голос сводил меня с ума. Иногда я просто закрывала глаза и слушала, что он говорит, наслаждаясь его речью. Его загорелые руки были так мною любимы, что я с трудом выпускала их из своих ладоней. Он стал для меня равносителен божеству, в котором совершенно нет недостатков. Порой мне даже хотелось найти в нем хоть какой-то изъян, чтобы поверить в то, что он обычный человек, такой же, как и все окружающие. Но я не могла этого сделать. Наверное, Андрея очень забавляла моя пыл-

кая страсть, но он и сам был влюблен, поэтому никогда не подшучивал надо мной.

А ведь бабушка мне всегда говорила, что внешность в мужчине – не главное. А я как назло всегда западала на внешность. Мое противостояние системе. А может быть, я просто была очень влюбчивой, но он мне казался таким красивым. Это было странно. Ведь мне всегда нравились только брюнеты. Бабушка была права, дело не в его внешности. Просто, когда любишь, человек кажется красивым, но никак не наоборот. Иногда мне казалось, что это самая великая ложь в мире. И я на нее повелась. Попала под обаяние хриплого голоса и блеска его мутных глаз.

Кажется, это была суббота. Он пригласил меня к себе в гости. Позвонил мне на домашний телефон, а трубку подняла моя бабушка. Они очень мило поговорили с ней пару минут и бабушка даже смеялась. Все это время я стояла напротив нее и с замиранием сердца ждала, чем же закончится их разговор. Бабушка передала мне трубку. Андрей просто и весело сказал мне:

– Привет. У тебя отличная бабушка, почему мы с ней до сих пор не знакомы?

Мне нравился его голос по телефону, хотелось, чтобы он говорил и говорил, даже неважно что, лишь бы просто слушать его голос. Это бы мой особенный фетиш. К тому моменту мы были вместе уже больше месяца и достаточно узна-

ли друг друга. Он сказал, что заедет за мной в восемь. Сказал, что приглашает меня к себе в гости, и раз я его к себе не зову, то он сам сделает первый шаг. Я рассмеялась. Представила его в гостях у моей бабушки. Он, видимо, тоже представил это, раз посмеялся вместе со мной. Мы еще немного поговорили с ним о том, как я сегодня спала, что ела на завтрак, и как ходила с бабушкой в магазин. Андрея всегда интересовали подобные мелочи. Потом мы попрощались, и я повесила трубку. Бабушка пристально посмотрела на меня. От растерянности я спросила «Что?». Она помолчала и говорит:

– Какой у тебя милый жених. Спросил, как я отношусь к ситуации в Америке. А я ведь как раз сегодня про это в газете читала. Он у тебя политикой интересуется?

– Бабуль, да ни чем он не интересуется. Просто болтливый. Услышал где-то, вот и спросил у тебя. Знает ведь, что ты за этим следишь. И никакой он мне не жених! И вообще...

Я ушла. Бабушка всегда смущала меня своими «женихами». Я легла на кровать и уставилась в потолок. Это был первый раз, когда я собиралась побывать дома у мужчины. И я была вне себя. И я готовилась. Весь день. Я даже съездила в магазин и купила новое платье. Я купила новые туфли. Я была в панике.

Мы встретились ровно в восемь в нашем прежнем укромном месте. Андрей приехал на Пассате, изменив своему любимому автомобилю.

– Дороги, у вас, знаете ли! Всю подвеску мне убили! – ворчал он, улыбаясь.

– Ну, извините! – ответила я.

Через час мы были в Заречье. Мне открылся вид на шикарные большие дома. Хотя даже скорее на крыши этих домов, ведь заборы были выше небес. Мы въехали на территорию одного из таких домов. Длинная подъездная дорожка, окруженная кустами роз. Первый этаж дома наполовину стеклянный, как я заметила, там была кухня. Мы вошли в просторный холл, который плавно переходил в большую гостиную. Андрей усадил меня на большой белый диван и достал бутылку шампанского.

– Сегодня я расскажу тебе о себе. Что ты обо мне знаешь?

– Я о тебе? Ты смешной!

– Хорошо, это уже что-то. Расскажу чуть больше. Расскажу не только то, что считаю нужным. Расскажу все – то, что на самом деле происходило, и то, каким я вижу себя теперь. Получилось как-то слишком пафосно. Но рассказы о себе всегда выглядят слишком надменно и эгоистично. Я родился в Петрозаводске. И я очень люблю свой город, это правда. Многие стремятся переехать в Москву, но я никогда не хотел. Просто меня особо не спрашивали. Мой отец... он такой. Он очень жестокий, я знаю. Я видел все, помню, что происходило в моем детстве, но тебе об этом лучше не знать. Иначе есть шанс, что мы даже перестанем здороваться.

– Ты серьезно?

– Наверное, нет. Просто пытаюсь превратить этот рассказ в диалог между нами.

– Хочешь меня шокировать?

– Да. Ты догадливая, маленькая стерва. В детстве я пытался учить немецкий, потом итальянский, освоил английский, испанский и решил пойти дальше. Мне казалось, что я человек мира, и для меня не должно быть границ в общении с людьми из других стран. Мы, правда, очень много путешествовали и подолгу жили в некоторых городах. Мама очень любила Италию и ее эмоциональных жителей, любила Милан и его окрестности. Мы очень часто бывали во Франции у моря и подолгу жили в Барселоне. Там тоже осталось много моих друзей. К востоку меня никогда не тянуло, Латинская Америка казалась крайне далекой, а Нью-Йорк быстро наскучил. Мы летали туда каждое лето. Маме нравилось гулять по Сохо и Пятой авеню. Москва ее не возбуждала. Выходя из машины, она всегда оценивала грязь под своими каблуками и вечно жаловалась, что приходится выбрасывать белую обувь. Я предлагал ей мыть, но это для нее слишком. Я сейчас немного утрирую, просто хочу, чтобы ты лучше поняла какой у нее характер. Лет до пяти она считала меня своим сыном, а потом я уже слишком вырос для нее и перешел в категорию брата. После восемнадцати я стал ее молодым другом, а иногда даже незнакомым. Признать во мне сына она не могла, а за молодого любовника отец бы ее пристрелил. Меня всегда удивляло, как он ее терпит, но она – единствен-

ный человек, которого он любит. Она всегда поддерживает отца, какими бы жестокими не были его методы, и никогда не устраивает ему «сцены ревности». Она его настоящий друг, готовый поддержать любые его начинания. А так, конечно, типичная сука.

С отцом мы всегда мало общались. Он считал, что его огромный кошелек сможет заменить его самого. А толщину кошелька ведь нужно неустанно поддерживать, поэтому дома его никогда не было. Он приходил очень поздно ночью, бывало под утро, и ровно в шесть утра уходил. Иногда я задавал себе вопрос: «зачем он вообще приходит?» Мог бы вполне обойтись и без нас. И кстати, если ты считаешь, что он просто всего-навсего честный миллиардер, то это не так. На его руках много крови, которую он не забывает тщательно смывать. Мы прозвали его Мафиози, что его жутко бесит, поэтому, прошу тебя, никогда так не говори.

В общем, можно сказать, что я вырос без их участия в педагогическом процессе. Мама наняла мне прекрасную няню, с которой мы быстро нашли общий язык и много времени проводили вместе. В Нью-Йорке у нее жила родная сестра, у которой был сын практически моего возраста, мы с ним тогда очень подружились и часто играли в футбол и катались на скейтборде вместе. Я очень любил кататься на скейтборде, в какой-то момент я стал практически профессионалом в этом деле, и мне стало скучно. Я забросил скейтборд и увлекся игрой в теннис. Занимался с тренером по три-четыре раза

в неделю. Он считал, что я добился отличных результатов и мне пора попробовать себя в турнире. Но теннис мне тоже надоел. Я пробовал переключиться на бадминтон, но слишком быстро его освоил и начал искать что-то другое. Потом я всерьез увлекся волейболом, особенно пляжным. Мы с мамой часто бывали на пляжах в Майами. Мне нравилось, когда на солнце сгорает моя спина, и я выигрываю. Скорее всего, волейбол был самым долгим моим увлечением. Затем я пробовал американский футбол, в Москве переключился на хоккей, в горах занимался лыжами и сноубордом. Пробовал даже шахматы, но это слишком скучно для меня. Сейчас мне кажется, что мое детство можно даже назвать счастливым, ведь я так много всего успел попробовать, но чего у нас никогда не было – так это крепкой и дружной семьи. Мы не собирались по вечерам все вместе у камина, хотя он у нас и был. Никогда не пили вместе чай или кофе, наверное, вообще никогда не сидели вместе за одним столом, не считая каких-то выходов в свет. Я всегда пил чай с няней. Да, мне это нравилось, безусловно. Но хотелось бы все-таки иметь мать. Ты, наверно, сейчас думаешь, что я слишком сентиментальный и даже немного голубой?

– Да вроде нет. Сейчас я считаю, что ты прекрасный рассказчик. Твои истории восхитительны. Я готова слушать их вечно.

– Отлично. Я тебе потом обязательно еще что-нибудь расскажу. А сейчас давай уже выпьем и поедим. Я невыносимо

голоден сейчас. Просто я слишком долго ехал к тебе.

– Да, представляю. Тяжело иметь девушку, живущую не в Москве.

– Что я слышу? Это сарказм! Хотел напомнить тебе, что мы сейчас у меня дома, и он, кстати, тоже не в Москве, как ты сумела заметить.

– Да, но это только по твоей воле.

– У меня складывается ощущение, что это упрек.

– Да, пожалуй, я сейчас немного тебе позавидовала. После твоего рассказа о путешествиях чувствую себя полным дерьмом, что за свои пятнадцать лет толком нигде и не была.

– Ну, ты же понимаешь, что у тебя все еще впереди? Скоро мы побываем с тобой во всех уголках этой планеты.

– Ты говоришь слишком пафосно, чтобы это было правдой.

– Я просто хотел тебя подбодрить. Мой рассказ испортил тебе настроение, а я сейчас меньше всего хочу видеть твое грустное лицо.

– Да, этот вечер должен был быть самым романтическим. А я как всегда все испортила.

– Ты еще ничего не испортила, все круто. И ты прекрасна.

Я улыбалась и никак не могла поверить, что он действительно все это говорит мне. И что именно я сейчас сижу в его прекрасном доме, и только мне он рассказывает о своем детстве. Что мы пьем только вдвоем это шампанское и ужин накрыт только для нас двоих. Это было невыносимо прекрас-

но. Мне хотелось ущипнуть его за руку, чтобы удостовериться, что это был не сон. Что я сейчас точно не сплю. Вместо этого он подошел и обнял меня. И я почувствовала аромат его одеколона, его теплые руки, его сердцебиение. Этого не могло быть во сне.

Я стала рассматривать его фотоснимки, стоящие в рамках на камине. На всех фотографиях он улыбался и выглядел очень счастливым. Невольно я заулыбалась в ответ этим снимкам.

– Мне так нравятся твои фото. В тебя можно легко влюбиться по фотографии, – я рассмеялась и протянула руку, чтобы взять у него свой бокал.

– Ты такая смешная. Как можно влюбиться по фото? Оно ведь совершенно ничего о человеке не говорит.

– Ну, просто ты очень красивый, когда улыбаешься, и ведь согласишься, большинство людей влюбляется именно во внешность.

– Да, от этого все их беды.

– Ты так считаешь?

– Да, конечно же, я так считаю. Когда ты влюбляешься, женишься, снимаешь розовые очки и понимаешь, что твой партнер на самом деле полное дерьмо, это очень больно.

– Ты ведь не был женат!

– И я никогда не влюблялся во внешность. Эта история не обо мне, просто я это знаю.

– Ладно, не буду занудствовать. Мне на самом деле нра-

вится твоя уверенность в собственных словах.

Он засмеялся и снова стал безумно красивым.

– Хочешь, сейчас я принесу свой детский фотоальбом, и ты будешь весь вечер смотреть и влюбляться в меня?

– А я думала, ты для другого меня сюда пригласил.

– Нет, почему же? Как раз для этого. Огромный такой, толстенный фотоальбом. Уже несусь.

Он вышел в коридор, а я продолжала смеяться над его словами. Конечно же, я ему не поверила. Он вернулся в гостиную со своим ноутбуком и включил музыку. Никаких огромных колонок и специальных устройств. Просто музыка на ноутбуке и все. Американский реп. В то время я и сама любила такую музыку, поэтому мне очень понравилось. Я стала практически невидимо покачивать головой в ритм и пить из бокала. Все было так легко и просто. Андрей умел разрядить обстановку своими шутками. А я из тех людей, которые чувствуют себя неловко в компании, где им не очень рады и раскрываются, когда видят интерес к себе. А я знала, что нравлюсь. Что он смотрит на меня с любовью и нежностью, и что мне совершенно необязательно прикрываться какими-то масками или изображать из себя очень умную, богатую, недоступную и невероятную девушку. Я могла совершенно спокойно говорить с ним о моем простом детстве и в его глазах я не становилась хуже. Ему все это нравилось. Ему нравилось мое детство, потому что ему нравилась я. Нет, ему не было все равно на те события, что происходили со мной

до него. Наоборот он очень интересовался ими и просил меня рассказывать еще и еще. Даже самые глупые ситуации. Никакой неловкости, никакого жеманства. Этот вечер был наполнен приятным смехом, любимой музыкой и чувствами двух влюбленных людей, у которых нет никаких секретов друг от друга, они просто наслаждаются обществом и все. Мы сидели рядом на диване, и он обнимал меня за плечи, а иногда целовал мои волосы. Это было немного странно, но почему-то меня совершенно не смущало.

– Ты живешь здесь один? – вдруг спохватившись, спросила у него я.

– Да, один. Но у меня есть Мотя. Она прекрасна.

– Мотя – это твоя собака?

– Нет, это моя прекрасная женщина!

– Что ты имеешь в виду?

– Она незаменима, она готовит мне, моет посуду и терпит мое ужасное настроение и вредный характер.

– Ты сейчас говоришь про домработницу?

– Ну, можно сказать и так, но мне не нравится это слово. Скорее, она моя помощница. Она помогает мне немного проще жить, она замечательная, и я очень ценю ее. Ты ведь не будешь ее обижать?

– Зачем мне ее обижать? – я с удивлением посмотрела на него.

– Ну, знаешь, некоторые люди считают, что раз человек работает на тебя, а ты платишь ему зарплату, то можно со-

вершенно по-хамски относиться к нему и позволять себе оскорблять его или вымещать свое дурное настроение.

– Андрей, ты серьезно? В моей жизни никогда не было домработниц, скорее я сама была бы домработницей, – чуть не вскричала я.

– Я могу тебя устроить. Знаю одну отличную семью, они как раз ищут. Хочешь, я вышлю им твое резюме? – он усмехнулся.

Я рассмеялась и закивала головой.

– Да-да, конечно, я ведь мечтала об этом всю свою жизнь!

– Завтра придет Мотя, и я тебя с ней познакомлю.

– Ты разве не собираешься везти меня сегодня домой?

– Нет, я забронировал тебя до завтрашнего вечера.

– А где же я буду спать?

– Ну, я могу показать тебе пару достойных мест в этом доме, – он сделал широкий взмах руки, указывая на огромное пространство и второй этаж. – Я что-то забыл показать тебе дом, но просто я совершенно не умею этого делать. Обычно люди сами ходят и смотрят то, что им нужно.

Мы поднялись на второй этаж, и он быстро провел меня по всем комнатам. При этом он ничего не объяснял, просто говорил: «эта комната и эта комната». Но, в общем-то, это было абсолютно не важно. В конце мы зашли в его комнату, и она была очень простой и мужской. Легкий бардак с примесью вытертой пыли и чистых окон. Никаких милых сердцу вещиц или воспоминаний. Только те вещи, которыми он мог

легко пользоваться каждый день. Его кровать с совершенно простым, но дорогим покрывалом. Две подушки. На полу зарядка от ноутбука. В комнате не было даже стола, видимо, он ему был не нужен. Никаких домашних тапок, халата или пижамы, он этого не понимал и считал совершенно лишним.

– Каждый день Мотя складывает все эти вещи по местам, а я каждый день их раскладываю в другие места. Она пытается приучить меня к порядку, но я слишком плохой ученик в этом деле, – пояснил мне Андрей.

– У тебя слишком мало вещей, чтобы создать реальный хаос, – уверенно ответила я.

– Да, это меня только и спасает, – согласился Андрей.

Возле кровати, а скорее даже под кроватью, лежала его книга. Оказалось, что он был очень даже не прочь почитать. Это мне, конечно, понравилось. На самом деле мне все там понравилось. Если бы я была на его месте, моя комната выглядела бы так же.

– Ты не будешь против, если я пойду и приму душ? Не привыкла ложиться спать грязной! – я почесала за ухом, изображая грязного пса. Он улыбнулся.

– Дурачишься?

– Немного!

– Это смешно! Да, конечно, иди. Я буду ждать тебя здесь.

– Я быстро! А полотенце дашь?

– Дорогая, там есть все, что тебе будет нужно. Иди!

– Хорошо!

В ванной комнате было действительно все, что нужно. Джакузи. Огромные пушистые полотенца. В стене был целый шкаф с новой косметикой для ухода за телом и волосами. Мне показалось, что я попала в шикарный отель.

– Джакузи? Серьезно? – спросила я, заходя в комнату после ванн процедур.

– Не начинай. Это мамина ванная. Моя душевая комната справа.

– Откуда столько новых шампуней? Я там открыла один.

– Я их купил для тебя. Не мог угадать, чем ты пользуешься.

– И решил скупить весь магазин? – я улыбнулась. – Получается, это дом твоего детства? Здесь есть комнаты мамы, отца и еще куча комнат для всех членов семьи.

– Да, в этом доме я вырос. Точнее провел ту часть детства, когда мы жили в Москве. Потом отец оставил его мне. Они переехали в Барвиху.

– А сколько тебе было лет, когда ты стал жить один?

– Точно не помню, кажется, мне было шестнадцать, – задумался на секунду Андрей, а потом добавил: – Хватит говорить обо мне. Я хочу говорить о тебе.

Мы перестали болтать, и перешли, наконец, к поцелуям.

Я проснулась рано утром из-за ослепительно ярких солнечных лучей. Они смотрели мне прямо в глаза, и было сложно устоять под их натиском. Я повернулась на другую сторону и уткнулась лицом в его щеку. Андрей еще спал.

На его ресницах блестели слезы. Он дышал так глубоко и ровно, что мой ритм никак не мог под него подстроиться. Я стала разглядывать его татуировку на внутренней части плеча. Мне она очень нравилась, казалась такой необычной. Не каждый ее мог увидеть, она была спрятана там от посторонних глаз. От Андрея исходила такая уверенность, несмотря на то, что он спал. Казалось, его ни что не сможет застать врасплох. Он лежал, раскинув ноги практически на весь периметр кровати, поэтому мне приходилось прижиматься к нему, чтобы не упасть на пол. Это была наша первая ночь, которую мы провели вместе. И я всю ночь не спала. Просыпалась от каждого шороха и движения его тела. Мне было непривычно спать с кем-то в постели, и еще я очень боялась сделать что-то не то. Поэтому я проснулась так рано. Хотела скорее встать и бежать в ванную, чистить зубы, умывать лицо и красить глаза. Но я не успела. Он схватил меня и стал целовать все мое лицо. Сначала я сопротивлялась, а потом перестала. Если ему все равно, то мне-то уж и подавно.

Мы спустились вниз, когда часы тикали в сторону половины двенадцатого. На кухне была Матильда, она готовила завтрак и варила кофе. Увидев меня, она улыбнулась и произнесла свое имя. Я немного смущенно сказала ей свое. Она налила мне кофе в красивую чашку и предложила пирожные, которые купила по пути сюда, в кондитерской. Она была так добра ко мне и так расслаблена, что я тоже вдруг перестала стесняться, и стала обсуждать с ней новости в мире.

Андрей молча наблюдал за нами, и его ехидная улыбка не сходила с лица. По-моему, он был очень доволен нашим знакомством. Мотя предложила нам такой шикарный завтрак, что для меня это был скорее обед. Несмотря на то, что во время завтрака мы без умолку разговаривали с ней, я очень вдумчиво разглядывала ее. Она не была похожа на мамочку или на девушку. Это была женщина лет сорока, ухоженная и красивая. Она держалась с Андреем просто, но учтиво, не проявляла излишнюю заботу или внимание, спрашивала у него разрешение на те, или иные действия, уточняла меню обеда. Андрей разрешил ей ничего не готовить, так как мы не собирались сидеть больше дома. Москва ждала нас.

Мы уехали из дома на его желтом «Lamborghini».

До нашего знакомства Андрей часто проводил время в ночных клубах. В тех клубах, которые он посещал, его многие знали и общались с ним даже вне стен ночных заведений. Но в большинстве своем, конечно же, они встречались именно там. Поэтому, вскоре после того как мы начали с ним встречаться, Андрей загорелся желанием познакомить меня со своей клубной компанией друзей. Мне не очень нравилась эта идея, и я долго отнекивалась, так как после знакомства с другими его товарищами мой пыл знакомиться значительно поутих. Но Андрей был настойчив, и, в конце концов, я сдаюсь под его натиском. И вот в одну из теплых августовских ночей мы поехали в его любимый клуб. До этого раза я еще

никогда не была в подобных местах, поэтому даже не знала, как стоит одеваться и как нужно выглядеть, направляясь туда. Андрей посоветовал мне более ярко накраситься и надеть красивую одежду, а не шорты, майку и балетки. У меня дома ничего подобного не было, поэтому он купил мне все сам. Это был наряд координально отличающийся от того, что я когда-либо надевала. Мини платье и туфли на каблуках, а вдобавок маленькая сумка-клатч без ремня, которую нужно было постоянно носить в руке. Несмотря на то, что звучит это довольно банально и слишком вызывающе, малолетней «Лолиты» из меня не вышло. Платье было подобрано чудесно, полностью скрывая руки и плечи, оно открывало спину и ноги, туфли бледно-голубого, небесного цвета с красивой пряжкой на мысе. Макияж и прическу я сделала себе сама, и в этом плане, скорее всего, все было довольно плохо, так как никакими умениями в этой области я не владела.

Было уже довольно поздно, ближе к двум часам ночи, когда мы подъехали на его лимонном автомобиле к клубу «B-club». Как сказал мне Андрей, это заведение открылось недавно, но там уже движение и жизнь.

Когда мы зашли внутрь, от громкой музыки у меня заложило уши. Я совершенно не слышала, что говорил мне Андрей. В конце концов, он просто схватил меня за руку и потащил вглубь клуба. В зале было очень много людей, и нам приходилось практически пробивать себе дорогу. Многие парни останавливали Андрея, здоровались с ним и пы-

тались поговорить, но он ничего не слышал. Я шла за ним, и мне было жутко неуютно и некомфортно в этой атмосфере, хотелось, чтобы мы поскорее оттуда ушли. Я не понимала, что привлекало Андрея в подобном отдыхе. Наконец мы выбрались из толпы и направились к столику, где уже сидели несколько парней со своими девушками. Я поняла, что это и были его друзья. Подходя к столику, я заметно стусевалась, так как увидела, что все эти молодые люди намного старше меня, очень хорошо одеты и расслаблены. На столе стояло несколько бутылок с алкоголем, а у девушек в руках были неизвестные мне коктейли. Андрей поздоровался со всеми ребятами, игнорирую их подруг. Это было нормально. Никто из них не обратил на это никакого внимания. Затем Андрей представил своим друзьям меня. Сказал, что я его любовь Анастасия. Кто-то из них подумал, что мое имя – Любовь. От этого я стала чувствовать себя еще хуже. Несмотря на мой прекрасный наряд, его друзья косились на меня с недоверием, и в их глазах явно читался вопрос: «А сколько же ей лет?». Андрей завел разговор с одним из своих друзей. Я молчала. Сказать мне им было нечего. Его друзья тоже мне ничего не говорили.

Десять минут спустя все присутствующие девушки поднялись и дружно направились в сторону туалетной комнаты, чтобы не чувствовать себя белой вороной, я последовала их примеру. Когда я вошла туда, они стояли около раковин и смотрелись в зеркало, и одна из них громко спрашивала у

своих подруг, есть ли у них тампон, так как у нее внезапно начались месячные. Я машинально ответила ей «Нет», хотя вопрос ко мне и не относился. Она услышала мой ответ и повернулась ко мне лицом:

– А я тебя вообще-то не спрашивала! Да и месячных у тебя, наверное, еще нет.

Подружки хором захихикали, поддерживая тем самым ее мнение. Я загорелась.

Другая девушка добавила:

– Да откуда же ты такая взялась? У Андрея вообще, что ли, крыша поехала?

– Да, он вообще чокнутый придурок! – подтвердила третья из них.

– Точно! Ты видела, мы-то не в его вкусе. Девочки, так он педофил! – добавила четвертая.

Они все дружно снова рассмеялись. Меня словно парализовало от этой грубости. Я только и могла, что стоять и слушать те гадости, что они говорили в наш адрес.

– Да... жалко, что он такой ненормальный... а ведь такой симпатичный, и при деньгах... – протянула первая девушка.

Я отмерла.

– Вы, злобные крысы! – крикнула я им в ответ и выбежала из туалета. По щекам потекли слезы, но в темноте этого никто не смог бы разглядеть. Я вытерла их рукой, попыталась улыбнуться и направилась к нашему столику. Но, когда

я увидела его веселого и смеющегося, эти жуткие грязные слова с новой силой застучали в моей голове. Я кинулась к нему на плечи и заплакала. Мне было так тяжело говорить, что слышны были только всхлипывания. Нет, ничего такого страшного, конечно же, не произошло, просто я всегда была столь чувствительна и ранима. Любые грубые выражения из чужих губ могли привести меня в оцепенение и даже депрессию. Обычно это происходило молниеносно, и я сама точно никогда не могла сказать, почему меня это так задевает. Дело было даже не всегда в грусти, рассердится и возненавидеть я тоже умела в доли секунды. Обладая столь вспыльчивой натурой, мне было довольно тяжело общаться с другими людьми, ведь каждое сказанное ими не к месту слово могло легко вызвать во мне гнев и злость. Самое главное: нрав мой был необузданный, и никакие условия не могли помешать мне высказаться.

– Андрей, пожалуйста, давай отсюда уйдем! – прошептала я ему на ухо.

– Но мы ведь только пришли, Насть. Тебе здесь не нравится?

– Да, мне не нравится!

– Может, тебе выпить?

– Нет, не хочу я пить. Я хочу домой!

– Окей, пойдем домой.

Он сказал друзьям, что мы уходим. У них был недовольный вид, но они не стали нас останавливать. Андрей взял

меня за руку, и мы вышли из клуба. На улице все еще было темно. Наверное, мы пробыли там не больше сорока минут. Ну что ж, для первого раза неплохо. У меня на душе было скверно. Хотелось плакать, но я этого не делала. Не хватало того, чтобы они увидели, как «малолетка» плачет из-за их слов. Я предложила Андрею пройтись и не ехать сразу домой. Он согласился. Мои ноги жутко гудели от каблуков, но я мужественно зашагала вперед.

– Почему ты захотела уйти оттуда? – спросил через минуту Андрей.

Я молчала, не зная, что ответить ему. Мне совершенно не хотелось передавать эту ситуацию в туалете. Он спросил еще раз. Я ответила, что, кажется, это совсем не мое.

– Брось. Тусоваться – очень даже твое, – возмущенно ответил мне он.

– Мне не понравилось это место, – я пыталась оправдаться, не вдаваясь в подробности.

– Чем? – допытывался Андрей.

– Людьми, – немного помолчав, ответила я.

– Тебе не понравились мои друзья? – немного расстроено спросил он.

– Я думаю, что это я им не понравилась! – в моем голосе сквозила обида.

– Да что за бред! Нормально ведь все было. Они тебе что-то сказали? – Андрей вновь возмутился и повысил голос.

– Нет-нет, ничего не сказали. Просто... – я снова попыта-

лась оправдаться, не вдаваясь в лишние подробности.

– Что просто? – не унимался Андрей.

– Андрей, пожалуйста, не мучай меня... Я просто хочу поехать домой, – немного жалобно попросила я.

– Какого черта мы тогда здесь гуляем? – Андрей практически закричал на меня.

– Я не знаю... – растерянно ответила я.

– Ты сама не можешь определиться, чего хочешь!

Я промолчала. Я видела, что он сердится на меня, думая, что это все мои капризы, но рассказывать ему совершенно не хотела. Мы молча отправились обратно к машине. В ней я скинула туфли с уставших ног и в темноте ночной Москвы проливала слезы обиды. Первый раз за все время, проведенное с ним, мне было так гадко и мерзко на душе. Первый раз я чувствовала себя полным ничтожеством в его окружении. И он совершенно не был в этом виноват. Просто слова этих девушек больно ударили меня. Возможно, из-за того, что они не совсем относились ко мне. Мне было стыдно за Андрея. Было стыдно, что я позорю его. В голове крутилась мысль, что мне нужно расстаться с ним, пока это все не зашло так далеко. Я не подхожу ему. Это очевидно. Я еще слишком маленькая и некрасивая. Зачем он вообще связался со мной? От этих мыслей слезы текли все быстрее. Андрей молчал. Мы добрались до дома довольно быстро. Я заперлась в ванной и с маниакальной страстью стала разглядывать свое лицо в отражении зеркала. В душе я злобно высмеивала свою

потекшую тушь, красный распухший нос и маленькие глаза.

– Настя, какое же ты чмо! – чуть ли не крикнула я своему отражению. – Что ты вообще делаешь в этом прекрасном доме с этим мужчиной? Ты разве не видишь, что ты ему не пара! Прекрати его позорить! Ты должна уйти!

Я опустилась на кафельный пол, продолжая рыдать. Я знала, что не смогу ему этого сказать. Я не смогу расстаться с ним, потому что уже слишком сильно люблю его. Мне казалось, что весь мир был против меня в эти минуты. Даже не знаю, сколько тогда времени я провела, сидя на кафельном полу. В конце концов, я успокоилась, смыла косметику, приняла ванну и отправилась спать. Андрей уже был в постели. Я подумала, что он спит. Тихо, стараясь не дотронуться до него, я легла на самый край кровати. Но он тут же схватил меня и притянул к себе.

– Малыш, прости меня! Я дурак. Не стоило мне так с тобой поступать.

– Но ты же ни в чем не виноват! Это я... Я не подхожу тебе!

– Настя, ты чудо! Без тебя моя жизнь была полным дерьмом.

Что я еще могла ему ответить? По-моему, это самое прекрасное, что можно было услышать. Я сильнее прижалась к нему своим телом, и мы уснули под уже восходившее солнце.

Стоял солнечный осенний день. Над головой кружили

желтые листья, и дорожка к дому была застлана чудесным ковром из красно-желтой листвы. Андрей встретил меня около дома моих родителей, и мы отправились на день рождения к его другу, который жил не так далеко. К тому самому другу, к которому он приезжал, и увидел меня. Друга звали Саша, не помню, писала я про это или нет. Он был очень плох для меня, но вряд ли об этом кто-то знал. Я не считала нужным сообщать свое отношение к его знакомым. Просто они были, и этого было достаточно.

– Там будет моя мать, – сказал мне Андрей, останавливаясь около подъезда Сашиного дома.

– Прости, что? Ты хочешь сказать, что я познакомлюсь с ней на вечеринке, где будет виски рекой, а потом пара клубов? – честно говоря, я была слегка в шоке.

– Ты просто еще не знаешь мою мать. И лучше бы ты вообще ее не знала.

– Но мы не можем туда не идти, так ведь? – в мои привычки никогда не входили расспросы «зачем» и «почему». Но идти туда я теперь совсем не хотела.

– Да, Насть, не можем. Она-то как раз очень хочет познакомиться с тобой, – с грустью в голосе сказал мне Андрей.

Мне это не понравилось. Мне никогда не нравилось, что люди проявляли особое рвение для знакомства со мной. В определенной степени меня это отпугивало. Пожалуй, мне больше нравилась усталая обреченность в выражении их лиц.

Мы вошли в подъезд, поднялись на седьмой этаж и позвонили в дверной звонок. Дверь никто не открыл, но она оказалась не заперта. Мы вошли. В квартире было шумно и многолюдно. Гости стояли по углам и в середине комнаты, пили виски, немного танцевали, курили и громко смеялись. В дальнем углу, в красивом сером кресле, сидела молодая девушка в черном платье. Ее длинные коричневые волосы спадали вниз красивыми легкими волнами. Ее губы были накрашены помадой цвета терпкого вина. Ее маленькая сумочка была произведением искусства известного итальянского дизайнера. Девушка курила крепкие «Marlboro» и смотрела на всех свысока.

– Это она, – шепнул мне Андрей.

– Кто она? Твоя бывшая девушка? – расстроилась я. Провести вечер в компании с его шикарной бывшей совершенно меня не радовало.

– Моя мать. Давай подойдем к ней сразу, а то потом будет поздно.

Честно говоря, я совершенно ему не поверила, потому что это была полнейшая глупость. Той девушке было от силы двадцать пять лет. И я подумала, что Андрей хочет познакомиться с ней и придумывает предлог для меня. Моя кривая улыбка совершенно не удивила его.

– Да я тоже идти не хочу. Но будет только хуже, – неправильно истолковав мое выражение лица, прошептал мне он.

Если бы мое лицо было более восприимчивое, то щеки

наверняка покраснели бы. Я почувствовала, что он издевается надо мной. Это было невыносимо.

– Хорошо, давай подойдем, – согласилась я.

Мы взяли со столика два бокала шампанского и направились к девушке. Меня немного трясло и подташнивало. Меня мучила ревность.

– Привет, прекрасный мужчина, как твое настроение? – спросила девушка у Андрея, когда мы приблизились.

Андрей поцеловал девушку в щеку и слегка дотронулся своим бокалом до ее бокала.

– Ты не звонил мне уже два дня, – немного обижено протянула она.

– Мама, прошу тебя.... Это Настя. Я думаю, ты рада с ней познакомиться, – он слегка подтолкнул меня вперед, и я от неожиданности чокнулась с ней бокалами, как и он, минуту назад.

– Настя.... Да... Хорошо.... Очень приятно! – она сообразила на своем лице улыбку, но та ей не очень шла, поэтому она быстро свернула губы назад.

Я была в легком замешательстве. Да нет, не в легком. В полном. Да, конечно, при близком рассмотрении мне стало ясно, что ей не двадцать пять лет, а ближе к сорока. Но ее манеры и тон, с которым она разговаривала с собственным сыном, меня шокировали. Это можно было бы принять за легкий флирт, если не знать всей правды его рождения. Мне хотелось немножко заплакать и чуть больше выпить. Нас по-

звали к столу. Андрей дернулся и, словно только что, вспомнив, произнес:

– Я забыл представить тебе мою маму. Ее зовут Мила.

– Андрей, прошу тебя, мне было бы неудобно называть ее без отчества, – шепнула ему я.

– Мама не любит, когда ее называют по отчеству, она еще слишком молода для этого, – скептически ответил он.

– Да, детка, в конце концов, мне всего лишь двадцать семь лет, почему у меня уже должно быть отчество? – непринужденно произнесла она в мою сторону. – И кстати, – добавила она, – я просила не называть меня мамой, ты ведь помнишь.

– Да, но ты моя мать и прости, но я буду называть тебя только так и никак иначе. Придется смириться! – голос Андрея был невозмутим, но довольно строг.

– Красавчик, ты меня с кем-то путаешь, я ведь только сказала, что мне не больше двадцати семи... – начала она.

– Настя, пойдем отсюда! Мне нужно много усилий, чтобы это терпеть, а сейчас сил нет. Мне нужно поесть, – он потянул меня за руку ближе к столовой.

Кстати говоря, в квартире было всего три комнаты, но одна из них была столовая. Нет, не кухня. Кухня была отдельно. В обычном панельном девятиэтажном доме, в квартире с тремя комнатами, были столовая, кабинет и зал. Видимо, хозяева квартиры в ней не жили, используя ее для встреч с друзьями. Мы вошли в столовую, когда другие гости уже были на своих местах. Три стула рядом с Сашей и его же-

ной были свободны, но Андрей туда не сел. Мы продолжали стоять возле дверей. Я поняла, что он совершенно не хочет сидеть рядом со своей матерью и выслушивать ее реплики в духе: «Мой привлекательный мужчина, передай, пожалуйста, соль». Для меня, выросшей в нормальной семье, это было очень странно и непонятно, но я его поддерживала. Мне пришло в голову закричать и сморщиться от боли.

– Живот, – прошептала я, и Андрей, схватив меня за плечи, отвел в тихий безлюдный кабинет. Гости немного смутились и переглянулись, но быстро успокоились.

– Мы останемся голодными! – улыбнулась Андрею я, и он тихо рассмеялся, когда мы закрыли за собой дверь в кабинет.

– Настя, это было гениально. Как ты поняла?

– Ты знаешь, красивый мужчина...

– Мама расстроится, она наверняка надеялась подлить тебе в стакан яду.

– Какие у нее устаревшие методы мести... Я бы просто придушила. Твои друзья уже так пьяны, что никто не смог бы свидетельствовать против нее, был бы просто маленький...

– Настя, прошу, не нужно так громко. Возможно, она подслушивает и запоминает.

Зажав кулак и поднеся его ко рту, я давилась собственным смехом.

– Нам нужно по бокалу и поесть. Сейчас принесу, – произнес Андрей и вышел из кабинета.

Я огляделась. Строго над кожаным диваном висела репро-

дукция картины Ренуара «Завтрак гребцов» и словно тонко намекала, чем обычно занимаются хозяева в этой квартире.

Кабинет был очень чистым, словно вылизанным коровьим языком. Здесь было все то, что обычно бывает в кабинетах такого типа. Было бы довольно сложно что-то убавить или добавить в этот интерьер. Но, несмотря на всю видимую наполненность, мебель выглядела довольно дешевой. Скорее всего, она такой и была. Большой письменный стол, сделанный под породу красного дерева, на самом деле был выполнен из обычных опилок, облитых клеем. Картина над моей головой была куплена где-то в районе перехода подземной станции Метрополитена. Небольшой шкаф для книг и бумаг по своему качеству и дизайну был таким же, как и письменный стол. Диван, на котором полусидела или полулежала я, был очень похож на кожаный, но по-настоящему им не был. И даже сейф, спрятанный под письменным столом так, что его было видно, был пуст и выполнен из пластмассы. Не сдержавшись, я встала с дивана и легонько дотронулась до дверцы. Она тут же открылась. Внутри ничего не было. Это был муляж. Стоя перед ним в большой растерянности, я никак не могла понять, зачем же хозяевам все это было нужно. Особенно, зачем нужен был пустой пластиковый сейф в квартире, где никто не живет? И этот огромный письменный стол с бумагами, красивой ручкой на подставке, к слову, тоже довольно дешевой, но эффектной. Насколько я знала, Саша и его жена не писали книг, да и вообще никак не были

связаны с бумагой.

В этот момент в комнату вернулся Андрей с двумя бокалами шампанского и небольшими тарелочками с едой. Он очень удивленно посмотрел на меня, стоящую возле открытого пластикового сейфа. И вдруг очень громко рассмеялся.

– Ты решила их ограбить? – он смеялся, как сумасшедший, и шампанское в его руках выплескивалось из бокалов.

– Никак не пойму, что тебя так рассмешило? И ты разольешь наше шампанское! Я просто никогда раньше не видела настоящий сейф, и мне стало интересно.

– Но, ты же поняла, что он не настоящий, ведь так?

– Да, конечно, поняла. Но зачем?

– Ну, знаешь ли, у всех людей свои пристрастия.

– О каких пристрастиях ты говоришь? Любовь к сейфам? Работа в кабинете? Я даже не знаю, что еще...

– Это все потому что, ты моя маленькая глупая девочка...

– Да-да, слышала. Но ты большой и умный, конечно же, просветишь меня в этом деле?

– Да, конечно же, я тебе все расскажу. Я бы даже сказал – покажу.

Андрей начал целовать меня в шею, и тут я поняла, для чего им нужен был этот пластиковый сейф и вообще кабинет в этой квартире. Я отшатнулась от него с безумными глазами.

– Это ужасно! Ужасно! Я все поняла! Это отвратительно! Они извращенцы! Ты это понимаешь? – я была явно не в се-

бе. Перенесенный ужас от знакомства с его мамой, все эти полупьяные гости в квартире и осознание того, для каких целей был сделан этот кабинет, выбило меня из колеи. Мои руки тряслись, и я никак не могла успокоиться и начать нормально говорить.

– Да, я понимаю. Я тебя понимаю. Правда. И я с тобой полностью согласен.

– Нет, ты не понимаешь! Не понимаешь! Если бы ты понимал, мы бы тут же ушли из этой мерзкой квартиры от этих отвратительных людей! Ты бы вообще никогда не стал общаться с этим человеком! Нет, ты не понимаешь! Здесь твоя мать, которая так же пьет и развлекается, как все остальные! Это ненормально Андрей! Ты не понимаешь!

– Думаешь, ты мне сейчас открыла глаза? Считаешь, я не замечаю всего этого? Или, может быть, ты думаешь, что мне это тоже все нравится и я, конечно же, принимаю во всем этом непосредственное участие? Да? Ты так, наверно, думаешь?

– Нет! Я не знаю... я не знаю, что я должна думать. Почему? Почему ты общаешься с ними? Почему мы сейчас здесь? Объясни мне, прошу тебя!

– Да, я объясню тебе, обязательно объясню, когда ты прекратишь кричать, и мы уйдем отсюда. Мы уходим отсюда! Бери свои вещи!

Я залпом выпила бокал шампанского и вышла из комнаты вслед за Андреем. За это время, что нас не было на кухне,

гости уже достаточно выпили, и все их светские разговоры сошли на нет. Некоторые из них стали намного ближе друг к другу, чем были ранее. Кто-то просто смотрел и покуривал. Мама Андрея невозмутимо стояла у окна с бокалом и разговаривала с незнакомым мне молодым парнем. Мы не стали прощаться с этим сборищем алкоголиков и тихо вышли за дверь. А затем, совершенно не стовариваясь, взяли за руки и с грохотом побежали вниз по лестнице. Мы были похожи на двух освободившихся из клетки птенцов, которым кто-то по доброте душевной даровал свободу, но мог легко передумать, поэтому стоило улетать оттуда как можно скорее. Мы сели в машину Андрея и, быстро развернувшись, уехали подальше от этого жуткого дома. Около десяти минут мы молчали и просто быстро ехали в центр Москвы. В конце концов, Андрей рассмеялся.

– Настя, ты гениальна! Я говорю тебе это еще раз и буду повторять, и повторять это! Неподражаема! Такая истерика, такой разнос! Я был словно маленьким мальчиком перед большой и злой тетей! Ты меня жутко повеселила сейчас!

– Это был розыгрыш?

– Нет, что ты? Это все – чистая правда. Они такие больные на всю голову уже давно. И моя мать с ними тусуется именно поэтому. Ей скучно жить, понимаешь? Отца никогда нет дома, все бары и рестораны ей надоели, а достойного занятия она для себя так и не нашла. В интернете она выискала упырей, которые напиваются и устраивают оргии, теперь

она проводит время там, наблюдает на все это со стороны и получает от этого определенный кайф. Я тебе отвечаю: она такая же больная, как и все они.

– Боже, это ужасно! И ты так просто про это говоришь!?

– Поверь мне, это только сейчас. Я уже пережил это. Поэтому сейчас все нормально.

– А почему ты сам едешь к ним? Проводишь там время?

– Потому что меня об этом просил отец. Он хочет, чтобы я приглядывал там за ней.

– То есть он обо всем этом знает и не противится?

– Ты бесподобна! Конечно же, он не против. У него ведь нет времени, которое он мог бы проводить с нами. Ему достаточно знать, что она не принимает в этом участие, а остальное не важно.

Мне сложно было ему что-то на это ответить. Ведь я выросла в совершенно другой обстановке, а для него этот кошмар и был его настоящей жизнью. Словно угадав мое настроение и текущие мысли, Андрей продолжил разговор:

– Только прошу тебя, не начинай меня жалеть. Я принимаю всю эту ситуацию со смехом. Мне плевать, кто и чем там занимается, я уже давно живу один, и меня это не волнует. В детстве у меня была прекрасная няня, поэтому родители меня тоже особо не волновали. Я принимаю их за знакомых, поэтому мне все равно. Честно говоря, я жалею, что втянул тебя во все это. Лучше бы ты была в неведении этой мрачной стороны жизни. Тем более я вижу, это тебя силь-

но шокировало. Не переживай, больше ты их не увидишь. Просто мать очень хотела с тобой познакомиться и вытрепала мне все нервы по этому поводу. Однозначно, мне нужно быть с ней жестче. Ты не обижаешься на меня из-за всего этого? – он погладил рукой по моему колену и улыбнулся. От его улыбки я тоже начала улыбаться. Вдруг все это стало совершенно не важно. Не важно, что было раньше и какое у нас было детство. Главное, что сейчас у нас есть. У меня был он, а это значит, что я была самой счастливой девушкой во всем мире.

В конце сентября, в один из прекрасных еще солнечных дней мы решили отправиться к морю, поехав при этом на его автомобиле. Конечно, мы могли бы, и полететь, но Андрею хотелось новых ощущений и необычной поездки. Мне даже не пришлось отпрашиваться у родителей, так как они сами улетели отдыхать, благополучно не взяв меня с собой, потому что я рьяно воспротивилась этому.

Мы выехали из Москвы, когда еще не было шести утра. Рассвет только занимался, но улицы уже не были пусты. Мы лавировали между автомобилями, а затем выехали на трассу. К тому времени стало совсем светло. В пути мы провели много долгих часов, взирая на бескрайние поля, освобожденные от посевов, голые ветки деревьев, сбросивших свою листву, и сотни километров асфальта, но все же эту поездку нельзя было назвать захватывающим приключением. Мы

сидели в машине, молчали и думали каждый о своем. В нашем молчании не было ничего надуманного и необычного. С иными людьми очень даже приятно молчать. В дороге мы ели хот-доги и пили колу, останавливались отдохнуть у придорожных мотелей, но номер там никогда не снимали, а просто сидели в машине или лежали на задних сиденьях. Мне было просто чертовски приятно знать, что мы едем вместе, впервые предоставленные лишь только друг другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.